

MAY 22 1951

216

НОВОЕ РУССКОЕ СЛОВО

New York
Public Library
5th Ave. & 42 St.
New York 18, N.Y.

NOVOYE RUSSKOYE SLOVO, 243 West 56th Street, New York 19, N. Y.

Гоголь и Запад

Я, вероятно, не скоро забуду слова покойного Андрэ Жида, сказанные по поводу русской литературы. Работая тогда в «Нувелль Ревю Франсэз» одним из самых крупных издательств, я имел возможность, сталкиваясь со многими французскими писателями, проникнуть в «атмосферу» французской литературы и о ней жизни. Однажды, во время беседы с другими писателями, Жид вдруг сказал решительным тоном: «Достоевский — это вот» он поднял руку высоко над головой, — а вся остальная литература — это так» — рука опустилась на уровень плеч... Жид позаботился о том, чтобы издано было полное собрание сочинений Достоевского (в прекрасном переводе Монго), написал о нем книгу. Понятно, почему Андрэ Жид, иногда против собственной воли склонявшемуся над «вечными вопросами», был близок Достоевский. Да и вообще, едва ли можно назвать имена других писателей, которые имели бы такое влияние на французскую, особенно до-военную литературу, которые оказали Достоевский и Л. Толстой.

Помню, однако, как, наблюдая выразительный жест Жида, я тогда же задумался: Почему Гоголь, от которого, как говорил Тургенев «пошла вся русская литература» (эту мысль развивал и покойный проф. Мочульский в книге «Духовный путь Гоголя») — почему Гоголь так мало известен, так чужд западному читателю? Правда, на складе того же издательства лежали переводы и «Вечеров на хуторе» и «Мертвых душ» — но именно покоились на складе — мало кто их покупал и интересовался ими.

В последние годы были попытки французских постановок «Ревизора» и «Женитьбы», но думаю автор «Театрального разезда» ужаснулся бы, присутствуя на этих спектаклях. «Ревизор» трактовался, как рядовая веселая комедия с известным расчетом на... пышность постановки. Городничий в роскошном мундире произносил монологи, маневрируя между столом и диваном в ампирическом стиле. Сравнить, например, эти постановки с французским фильмом «Преступление и наказание», где Пьер Бланшар создает живой образ Раскольниковова... В чем же тут, собственно, дело? Русские писатели (кроме, увы, поэтов) все же «доходят» до французского читателя «Капитанская дочка» для Запада — классическое произведение. Едва ли разгадка в особенности языка и ритме Гоголя, в особая его «русскости». Уж на что своеобразно русский Лесков, был одно время модным среди французской литературной элиты. А Гоголь — один из самых необыкновенных (хочется подчеркнуть это слово в его первоначальном смысле) в мировой литературе писателей в сущности неизвестен французскому читателю. При этом неожиданно хочется себя спросить: да известен ли он читателю русскому, понятен ли он «до конца» нам? Говорят, что классики — это писатели, которых все знают, но никто не читает. Гоголя, пожалуй, читали все, но знают ли его? Ведь сколько ни писали о Гоголе и в XIX веке и в наше время, он и по сию пору остается загадкой.

Самого фантастического русского писателя Белинский назвал реалистом. Гоголь и не романтик, конечно, потому что романтики воспринимали жизнь сквозь призму собственной мечты, Гоголь же исходя «из себя», из движений души своей создавал удивительную живущую силой его таланта, действительность. Гоголь обманул не только

Пушкина, выдав «чудовищ», вышедших из души его, за подлинную Россию. Мало во всей мировой литературе найдется примеров той силы чисто литературного убеждения, которой обладал Гоголь. Поистине велик должен был быть талант, чтобы, не зная по существу России, одев свои мертвые души в анекдот, в бытовые, из третьих рук, собранные черты, выдать их за живых людей, за «типы», которые до сих пор покоряют наше воображение, живя в нем своей особой, неугасаемой, жизнью. Мы знаем, что «типы» эти не существуют, не могут существовать, но никак этому поверить не можем. «Маски и автоматы, сделанные им, так выразительны, так динамичны, что издали их можно принять за настоящих людей. Но попробуйте проанализировать Сквозник - Дмухановского или чиновников и вы сразу почувствуете, что вместо души у них мешок с отрубями» (Мочульский). Убедительность Гоголя, однако, сильнее нашего здравого смысла. Когда Белинский возмущался «Выбранными местами из переписки», нравочениями же не губернатора, едва ли приходила ему в голову простая мысль, которой и сейчас нам трудно поверить: Гоголь, замкнувшись в круг своих собственных идей и ощущений, писал о том, о чем знал лишь по наслышке. Удивительно и то, что проведя большую часть жизни в скитаниях на Западе, жизни Запада был он совершенно чужд, оставаясь вечным «туристом» (Античной Италией восхищался он лишь потому, что увлечение это совпадало с ощущением его внутреннего мира).

Н. А. Бердяев часто высказывал мысль, что талант и гений — вещи несоизмеримые, представляя два различных проявления человеческого духа. Гоголь как будто бы эти два проявления в себе совмещал, но трагедия его была в том, что гений и талант шли в нем различными путями. Гений Гоголя, отделяя его от внешнего мира, делал его вечным странником мысли, в безнадежном искажении мировой гармонии, Божьей правды на земле, веры в Бога. А сковывавший его холод души, «тяжесть» и «черствость», на которые он всю жизнь жаловался находили выражение в «проклятом таланте», который он употреблял на изнурительную «борьбу с чортом» (Книга Мережковского «Гоголь и чорт» переведена на французский язык).

«Чорт, как его одурачить — такова по признанию Гоголя, была основная идея его жизни и творчества» — пишет Мережковский. «Издавна у меня одна забота: чтобы прочтя мною написанное, читатель мог вдоволь насмеяться над дьяволом» говорит сам Гоголь.

Но вот особенность гоголевской борьбы с чортом. (По следам Гоголя в этой борьбе, кажется, пошел один Чехов). Гоголю удалось увидеть самое страшное, неумовленное зло не в трагическом, а именно в обыденном и банальном, в ничтожности человеческих чувств и мыслей. «Я называю вещи своими именами. Я называю чорта — чортом и не одеваю его в пышные одежды, а ла Байрон, потому, что знаю, что ходит он в простом сюртуке».

Герои Гоголя, при всем разнообразии характеров, погружены чортом в некий сомнамбулический сон. Изредка только мелькнет в них пробуждение, порыв к настоящей жизни. «И на этом деревянном лише вдруг скользнул какой-то темный луч, выразилось нечувствие; а какое — то бледное отражение чувства... появление было последнее.. глухо все и еще страшнее и пустынь

нее становится после того поверхность безответной стихии» (Гоголь о Плюшкине).

В русском языке существует точное слово определяющее эту дьявольскую одержимость. Слово это — пошлость. По французски нет этому слову однозначного (фран. слово *platitude*, приближаясь к этому понятию, сущности его не выражает). Не берусь утверждать, но, кажется мне, что и английский язык в этом сходен с французским. Думаю, в русском языке особенность эта не случайна, выражая какое то отличие русской психологии от психологии западной.

Я далек от того, чтобы видеть в этом некое преимущество русской души, но «особенная статья» есть. На Западе вещи лучше «поставлены на свое место» — зло есть зло, добро есть добро, мир западный организованнее мира русского и уродства жизни в нем более отчетливы и очевидны. Чувствительность к злу неумовленимому, к «мелкому бесу» в нем меньше. Возможно, что более медлительный ритм русской жизни, однообразие и скука, а может быть большая анархичность русской души, вечно стремящейся к Абсолюту заставляет русского писателя сильнее реагировать на то, что мы называем пошлостью. (Не потому ли в России лучше ценят Мопассана, чем на его родине? У Мопассана тема пошлости развита более, чем у других французских писателей).

Гоголь для которого пошлость — главный враг, главный герой и тема основных его произведений — чисто русский, неотъемлемо русский писатель. Гоголь, говорил Тургенев, первый склонил свое внимание и жалость к «униженным и оскорбленным», к ничтожеству и бедности человеческой жизни. От гоголевской «Шинели» пошла, по его мнению вся русская литература. Но в сущности тема «Шинели» — есть уже и в «Капитанской дочке» и в «Повестях Белкина» и в лермонтовской прозе.

Тема же пошлости, возведенной в главное зло человеческого существования — неотъемлемо гоголевская тема и притом специфически русская.

Автоматы и чудовища Гоголя чисто русского производства и другими быть и не могут.

— Думаю, что сколько бы ни издавали переводов Гоголя, сколько бы ни ставили его пьес и ни писали о нем трудов — Запад (я говорю сейчас о Франции), едва ли когда либо до конца «почувствует» Гоголя, узнавая Гоголевский гений только через «вторые руки» — через наших других больших писателей. Основная тема Гоголя, тема всей его жизни — ускользает от Западного читателя.

P.S. Не имея под рукой всех подлинников, некоторые цитаты я принужден был перевести с французского.

П. Ставров.